

Церковь Сен-Франциско

На этом запланированная программа была исчерпана. Но на обратном пути, в глубине уютной площади, нам встретилась церковь Сан-Франциско. Судя по названию, я ожидала увидеть нечто романско-готическое, но, как прочла потом, «памятники готики и Возрождения» ее [Равенну] миновали» - церковь оказалась современницей архиепископа Неона (5 в.), которому мы обязаны убранством баптистерия правоверных, и который здесь же, в главном алтаре, и лежит. Здесь же отпевали Данте, похороненного в построенном много позже мавзолее где-то рядом (мы туда не дошли). Будучи изгнан по политическим мотивам (в гражданской войне поддерживал противников папы) из родной Флоренции, он долго скитался по разным городам, одно время жил в Вероне, где ему поставлен памятник, а под конец был приглашен правителем Равенны Да Полента, под покровительством которого спокойно прожил последние годы. Когда во Флоренции спохватились, что утратили такую знаменитость, и потребовали выдачи праха, туда был отправлен пустой гроб. Так что в церкви Санта Кроче, где было приготовлено место захоронения, находится кенотаф – пустая могила.

Как водится, церковь многожды переименовывали и перестраивали, однако потом восстановили в первоизданном виде, только четырехугольная колокольня с прогрессией оконных проемов осталась с 10 – 11 вв. Глядя на этот ансамбль, начинаешь понимать, откуда заимствованы исходные романские формы – преемственность стилей продемонстрирована здесь очень наглядно. В таком исходном аскетическом виде (даже без нартекса) она как нельзя лучше соответствует идеологии францисканцев.

Внутри – все знакомо и уже привычно, единственное отличие - полумрак - объясняется низким вечерним положением солнца.

Как и в Класе, пол в алтаре приподнят в связи с устройством крипты в 10 – 11 вв. Кстати, крипта залита водой и в ней, говорят, плавают золотые рыбки. Оказывается, все подвалы в Равенне затоплены, но откачивать воду никто не собирается, считая, что, если в этих условиях здания сохранились до сих пор с 5 в., то лучше ничего не менять. Насосы стоят только в самой ценной постройке – Сан-Витале – «на всякий случай». Это – вторая действующая церковь (после Иоанна) на нашем пути, о чем говорят скамьи и орган в правом нефе.

Выйдя на площадь перед церковью, мы, наконец, присели на каменный парапет перевести дух. За нами – деревья сквера, перед нами – изящное здание муниципальной библиотеки, в корпусах которого некогда останавливался Байрон. Сейчас к нему пристроен портик 16 в., перенесенный из какого-то упраздненного монастыря, служащий пристанищем усталым студентам. Тишина и покой в ласковых лучах вечернего солнца...

Город

На пути к городским воротам увидели еще одну церковь, нигде не упоминаемую – Санта-Агата-Маджоре, точно такую же, как все предыдущие, только с поздним портиком и обрамлением окна и низенькой круглой колокольней – ну подумаешь, 5 в., много их тут... всех не перечислишь...

Что еще сказать о Равенне? Тут тихо и спокойно, только два раза пришлось пересечь улицы с автомобильным движением.

Основной вид транспорта – даже не мопеды, а велосипеды, на которых шпарит все население, включая старушек, едущих за покупками.

Конечно, туристы посещают то, что входит в достопримечательности абонементов, но не создают обычной для «туристских» городов орущей толпы, а уж в действующих храмах и вовсе не показываются. Город, по счастью, их, т.е. нас, туристов, вообще игнорирует – здесь нет ничего специального, выставленного напоказ – магазинов, ресторанов, ларьков с сувенирами. Он просто живет своей жизнью, тихой и уютной в древнем обрамлении, не отказывая, однако, нам в гостеприимстве. *По-моему, Танька немного преувеличивает тишину и малолюдство Равенны – ей, когда что-то нравится, так и недостатков никаких не замечает... Нормально так – табунки туристов встречаются то и дело, здесь, как и в других местах, абсолютное первенство за японцами (японками, по большей части). Вот для меня было сюрпризом в Которе, где я только что работал, когда туда приплыла огромная 12-ти этажная лайба, с которой на берег вылезло тыщи три японок всех калибров, фасонов и возрастов. Сроду, мне кажется, такого количества представительниц страны Ямато на этот городок с 9-ти тысячным населением не обрушивалось. Даже местные, вроде бы ко всему привычные, и то дивились – у них же по большей части сербы бока греют, русские, немцы, ну, разные прочие европейцы... А в Париже мне, вообще, казалось, что японки там составляют национальное большинство. Вот же, наверное, их достала многовековая изоляция и запреты на общение с иностранцами, теперь душу отводят за столетия в «одиночном заключении»...*

Заключение: что мы поняли

Так познакомились мы с первой страницей христианского искусства, неведомой нам ранее. Древнейшие памятники Рима и Милана, лишь частично сохранившие оригинальные черты, не дают столь полного представления об архитектуре и живописи этого периода, какое складывается после Равенны.

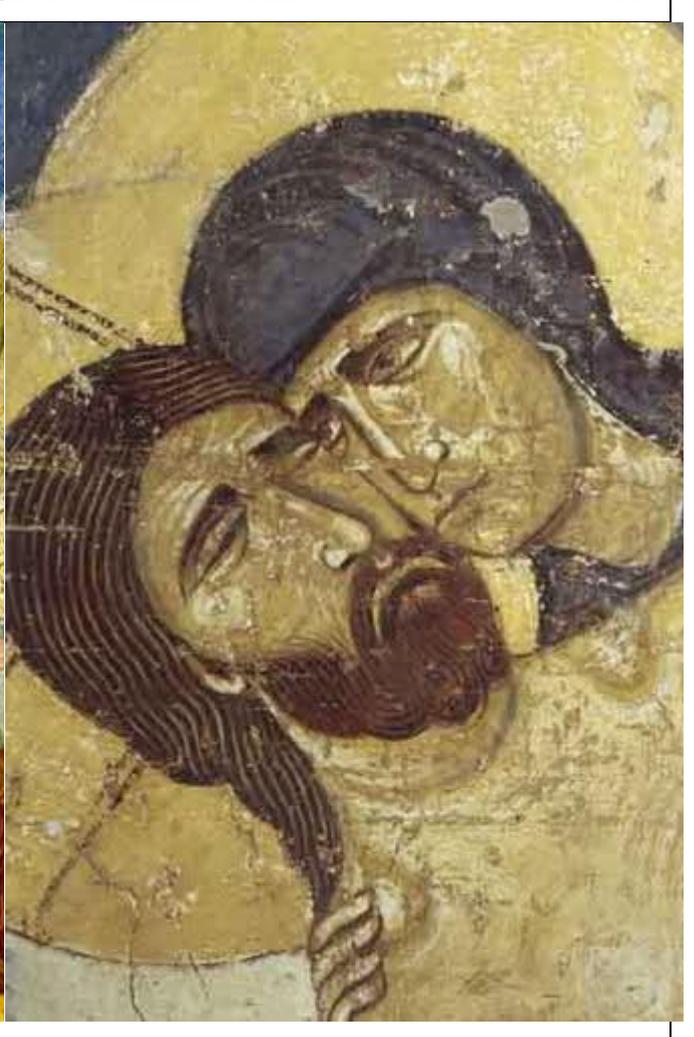
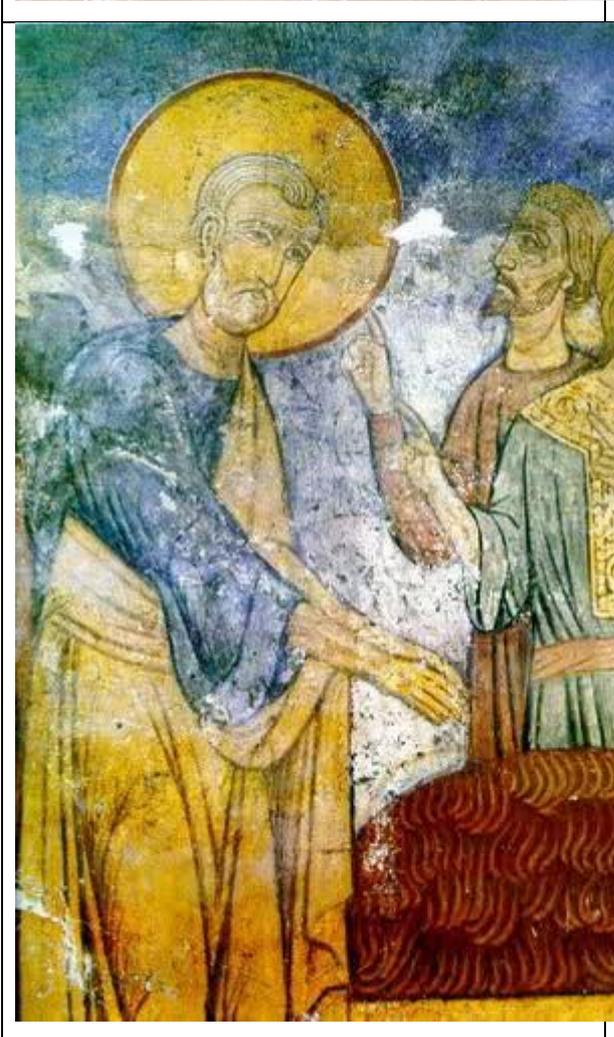
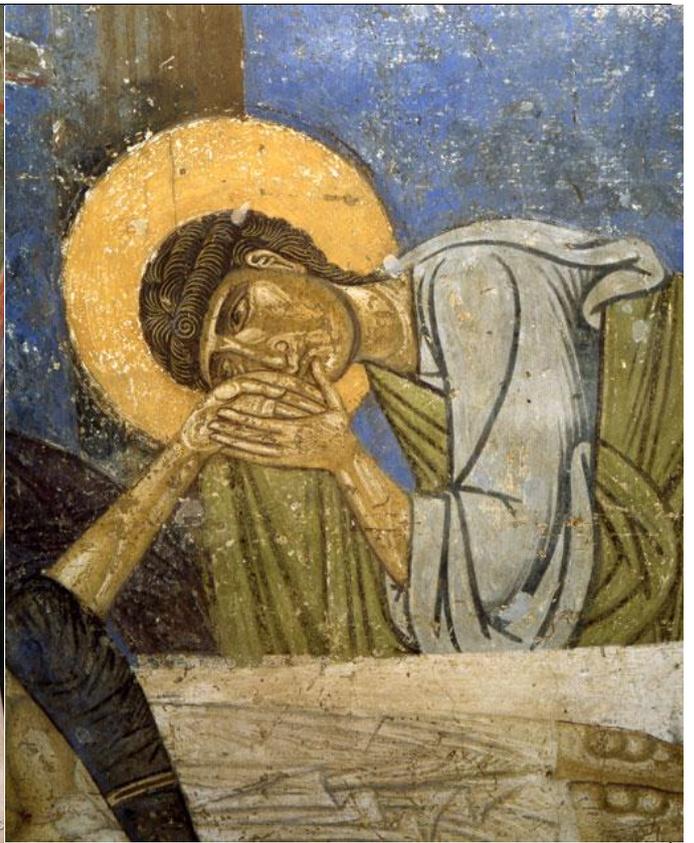
В архитектурном отношении мы увидели разнообразие структурных планов, из которых дальнейшее развитие в романскую эпоху получили только базилики. Простой центрический круглый план сохранился в первоначальном виде в баптистериях, а крестово-купольный, если не считать его развитие на Востоке и Руси, был забыт и возрожден заново только Ренессансом, как и сложный лепестковый план Сан-Витале.

Пространство базилик просто и четко организовано и залито светом. Все они похожи друг на друга как две капли воды, почти не различаясь даже в деталях (формой капителей, например). Хотя в Риме встречаются в несколько ином виде: в частности, колоннады, разделяющие нефы, там часто перекрыты прямым антаблементом, а не арками, как в Равенне, где сильно византийское влияние. Тем не менее, простота и четкость, поражающие с первого взгляда, оборачиваются монотонностью и скукой при многократном повторении, что в конце-концов приводит к застою. Что и случилось, но послужило толчком к развитию в романской стилистике. Романское усложнение плана, связанное с возведением каменных сводов – для большей долговечности и защиты от пожаров, - а также в связи с изменившейся социальной ролью церкви – потребовались капеллы-усыпальницы – привело к значительному разнообразию построек. Что бы ни говорил мой муж, ни одна романская церковь не повторяет в точности другую, а различия в деталях делает их еще более интересными. В чем они существенно проигрывают древним, так это в освещенности. Поэтому потребовалась готика, добавившая свет, но без утраты приобретенных достоинств.

Что касается живописи (мозаичной), то мы проследили начальный этап ее развития (или деградации?) от реалистически-психологического характера, опирающегося на опыт античного искусства, по пути к абсолютному символизму канонического поздне-византийского средневекового искусства с его омертвелостью фигур, отсутствием пространства и обратной перспективой. Мы увидели здесь вершину этого первого этапа, особенность которой состоит в изумительных колористических

решениях при неполной утрате свободы изображения. Для нас, профанов, удивительным оказался тот факт, что, судя по архитектуре, декоративным качествам и содержанию мозаичной живописи, христианство в этот период было религией ликующей радости и света, а не самоуничтожения и страданий, как позже в Средневековье. (*понятно – ранний этап – это утверждение новых идеалов равенства и братства народов – «нести ни эллина, ни иудея», а потом огосударствление религии и употребление ее по прямому назначению – «нести власти еще как от бога» - как идеологическое обоснование монархии.*) Дальнейшие этапы процесса мы проследили в прошлом году в Риме: промежуточный – в мозаиках церкви Сан-Просседо, которые напомнили нам Сан-Витале и капелла св. Андрея, и заключительный, известный также по св. Софии в Киеве и фрескам древней Руси, – в Сан-Пауло-ле-Мура, Сан-Джованни-ин-Латерано, Санта-Мария-ин-Трастевере и др. Выигрыш от этой эволюции, безусловно, есть – в чисто декоративном внешнем аспекте. Однако на определенном этапе духовного развития общества этого оказалось недостаточно, и потребовался длительный процесс возвращения к природе как в идеологическом, так и в чисто техническом плане, завершившийся новым расцветом в эпоху Возрождения.

Кстати о прогрессе и регрессе – обещанная пара слов о Спасо-Мирожский монастыре – моем любимом памятнике древнего искусства в России. Как справедливо заметила Танька, меня больше привлекает не то, что у дома снаружи, а что внутри, возможно, это – профессиональная болезнь физиолога. Вот и в этом случае не очень помню внешний вид этого псковского монастыря, зато на всю жизнь впечатлен его фресками. XII век, абсолютно неканоническая немертвая живопись! По Танькиным выкладкам к этому времени в Европе, включая Византию, церковная (другой и не было) живопись уже закоснела или деградировала, а тут такое! Вообще, кто не видел – очень рекомендую, лучшего в России просто нет. Да, так вот в этом самом XII веке, последнем перед периодом потери независимости, когда Русь была вполне европейским государством, одним из лидеров металлургического производства, греческие мастера создали это чудо. Может быть, они сбежали на Русь от деградации и косности их искусства, которые настигли в то время их родину? Во всяком случае, деградация деградацией, а вот такие великие образцы возникали и в то время, когда в Европе царило глухое и беспросветное Средневековье.

Ну вот, став чуть-чуть умнее, мы на следующее утро помчались дальше. *Опять это «мы помчались»!* А кто все время ныл и меня за руки хватал, что я слишком быстро еду? Только GPS или ты тоже?!